

Перспективы научно-образовательной интеграции Евразийского экономического союза в контексте государственной политики Российской Федерации с 2022 г.

Денисенко Виктор Васильевич^{1,2}

Аспирант¹, начальник Управления информационной политики²

ORCID: 0000-0002-8185-4280, e-mail: denisenkoviktor@vk.com

¹Государственный университет управления, 109542, Рязанский пр-т, 99, г. Москва, Россия

²Государственный академический университет гуманитарных наук, 119049, Мароновский пер., 26, г. Москва, Россия

Аннотация

Рассмотрены внешнеполитические аспекты современной научно-образовательной политики Российской Федерации (далее – РФ, Россия), социально-гуманитарные и политико-экономические факторы, воздействующие на интеграционные процессы в научно-образовательной сфере, проведен SWOT-анализ (англ. strengths, weaknesses, opportunities, threats – сильные стороны, слабые стороны, возможности, угрозы) потенциала научно-образовательной сферы интеграционной модели Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа качественно новых подходов, применяемых российской государственной политикой с 2022 г. для стимулирования интеграционных процессов в научно-образовательной сфере. Объект исследования – интеграционное пространство ЕАЭС. Предмет – научно-образовательная сфера взаимодействия внутри интеграционной платформы. Цели – выявить актуальное состояние сотрудничества в научно-образовательной сфере и оценить перспективы ее развития, исходя из трансформации государственной политики России в этой области с 2022 г. Методологическую основу составляют системный, исторический методы, неинституциональный подход, контент- и SWOT-анализ. Научная новизна состоит в рассмотрении интеграционных процессов в качестве не автономного явления, а прямого следствия и институциональной реакции на трансформацию государственной политики РФ. Рассмотренные инициативы свидетельствуют о формировании Россией новой научно-образовательной экосистемы – модели центростремительной интеграции, предлагаемой партнерам в качестве системного образца, формирующего стандарты и предлагающего свою инфраструктуру. Выявлен тренд на модернизацию российской стороной зарубежных научно-образовательных организаций и формирование на их основе модельных центров притяжения в рамках политики построения единого научно-образовательного пространства стран ЕАЭС. Согласно выводу, сильные стороны и возможности сопоставимы со слабыми сторонами и угрозами, негативные факторы отличаются большей конкретикой и периодической реализацией на практике, при этом некоторые носят перманентный характер. Интеграционный потенциал ЕАЭС в научно-образовательной сфере опирается на историко-культурный фундамент, однако требует преодоления институциональных препятствий. Предложены первичные меры гармонизации национальных систем для перехода к единой наднациональной системе подготовки кадров, базирующиеся на логике разграничения международных и конституционно-правовых основ сотрудничества.

Ключевые слова: государственная политика России, научно-образовательная политика, образовательная система, научно-образовательная интеграция, социально-гуманитарная интеграция, Евразийский экономический союз, внешняя политика, мягкая сила, гуманитарная политика, суверенизация политики

Для цитирования: Денисенко В.В. Перспективы научно-образовательной интеграции Евразийского экономического союза в контексте государственной политики Российской Федерации с 2022 г. // Управление. 2025. Т. 13. № 3. С. 152–163. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-3-152-163

Received: 28.07.2025

Revised: 01.09.2025

Accepted: 05.09.2025

Prospects for scientific and educational integration of the Eurasian Economic Union in the context of the Russian Federation's state policy since 2022

Viktor V. Denisenko^{1,2}Postgraduate Student¹, Head of the Information Policy Department²

ORCID: 0000-0002-8185-4280, e-mail: denisenkoviktor@vk.com

¹State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow 109542, Russia²State Academic University for Humanities, 26, Maranovsky pereulok, Moscow 119049, Russia

Abstract

The article examines foreign policy aspects of the Russian Federation's (hereinafter referred to as Russia) modern scientific and educational policy as well as socio-humanitarian and politico-economic factors influencing integration processes in the scientific and educational sphere. SWOT (strengths, weaknesses, opportunities, threats) analysis of the potential of the scientific and educational sphere within the integration model of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as EAEU) has been conducted. The relevance of the study is dictated by the need for a comprehensive analysis of qualitatively new approaches that Russian state policy has been implementing since 2022 to stimulate integration processes in the scientific and educational sphere. The object is the EAEU integration space. The subject is the scientific and educational sphere of interaction within the integration platform. The aims are to identify the current state of cooperation in the scientific and educational sphere and assess its development prospects, based on the transformation of the Russian state policy in this area since 2022. The methodological framework includes systematic, historical methods, neo-institutional approach, content and SWOT analysis. The scientific novelty lies in the consideration of integration processes not as an autonomous phenomenon, but as a direct consequence and institutional response to the transformation of the Russian state policy. The initiatives discussed indicate the establishment by Russia of a new scientific and educational ecosystem – a model of centripetal integration, which is proposed to partners as a systematic standard that creates norms and offers its own infrastructure. A trend has been identified towards the modernisation of foreign scientific and educational organisations by the Russian side and creation of model attraction centres based on them within the policy of building a unified scientific and educational space among EAEU countries. According to the conclusion, the strengths and opportunities are comparable to the weaknesses and threats, with the negative factors exhibiting greater specificity and occasional practical realisation, while some of them are of a permanent nature. The EAEU integration potential in the scientific and educational sphere relies on a historical and cultural foundation, but requires overcoming institutional barriers. Primary measures for harmonising national systems to transition to a unified supranational personnel training system are proposed, based on the logic of delineating international and constitutional-legal foundations of cooperation.

Keywords: state policy of Russia, science and education policy, educational system, science and education integration, socio-humanitarian integration, Eurasian Economic Union, foreign policy, soft power, humanitarian policy, sovereignty of policy

For citation: Denisenko V.V. (2025). Prospects for scientific and educational integration of the Eurasian Economic Union in the context of the Russian Federation's state policy since 2022. *Upravlenie / Management (Russia)*, 13 (3), pp. 152–163. DOI: 10.26425/2309-3633-2025-13-3-152-163

Введение / Introduction

В современных условиях конфликтной трансформации системы мировой политики фокус мировых и межрегиональных акторов смещается в сторону инструментов мягкой силы, успешно дополняющих торгово-экономические и военно-политические методы влияния. Российская Федерация (далее — РФ, Россия) столкнулась в 2022 г. с беспрецедентным санкционным давлением и попыткой внешней изоляции со стороны объединенного Запада. В связи с этим особое значение для России приобретает научно-образовательная система в контексте научно-технологического суверенитета и идеологической гомогенности общества, а также в части обеспечения безопасности в жизненно-важном регионе посредством развития единого гуманитарного и экономического пространства [Polianskii, 2025].

Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС) является наиболее развитым и важным проектом российской зоны жизненно важных интересов. Интеграционное объединение располагает одним из крупнейших объемов минеральных ресурсов и обладает несомненным геополитическим значением в контексте развития транспортных коридоров на стыке Европы и Азии. В связи с этим ЕАЭС следует характеризовать как геополитический проект стран-участников объединения, обладающий потенциалом для превращения в межрегиональную платформу в рамках становления многополярной системы мироустройства¹.

РФ, являющаяся интеграционным ядром объединения, объективно настроена на сохранение стран ЕАЭС в своей политической орбите. Особую стратегическую значимость обретают механизмы формирования единого гуманитарного пространства — области межгосударственного взаимодействия в сферах миграционной политики, науки, образования, культуры, искусства, массовых коммуникаций и гуманитарной помощи, характеризующейся активным вовлечением институтов гражданского общества. В контексте вынужденной суверенизации гуманитарно-технологического пространства именно научно-образовательная сфера может выступить системообразующим элементом для формирования единого пространства генерации и трансляции знаний.

В качестве основного исследовательского инструментария нами выбран неинституциональный подход, рассматривающий институты как формальные и неформальные правила и нормы, которые определяют

действия акторов и структурируют политическое, экономическое и социальное взаимодействие [Норт, 1997]. Применение указанной методологии к проблематике научно-образовательной интеграции ЕАЭС позволяет проанализировать взаимосвязи нового институционального дизайна российской научно-образовательной политики в зарубежных странах и неформальных институтов государств-партнеров. Потенциал интеграции в обозначенной сфере будет измеряться нами не только в части возможности включения национальных систем стран ЕАЭС в новую российскую институциональную среду, но и в контексте взаимодействия российских формальных институтов с неформальными институтами государств-партнеров. В качестве дополнительного инструмента для оценки потенциала интеграционной модели будет использован SWOT-анализ (англ. strengths, weaknesses, opportunities, threats — сильные стороны, слабые стороны, возможности, угрозы) в целях систематизации и структурирования сильных и слабых сторон текущего состояния интеграции, а также выявления внешних возможностей и угроз ее дальнейшему развитию. Также методологическую основу исследования составляют системный, исторический методы, контент-анализ. Практическая значимость работы заключается в возможности использования для разработки механизмов преодоления институциональных барьеров научно-образовательной интеграции в рамках ЕАЭС. Концепция научно-образовательной экосистемы ЕАЭС, основанной на российских практиках, содействует формированию позитивного нарратива о роли России как регионального центра научно-технологического притяжения.

Внешнеполитический аспект современной научно-образовательной политики России / Foreign aspect of Russia's modern scientific and educational policy

С 2022 г. государственная политика РФ в научно-образовательной сфере претерпела существенные изменения, направленные на укрепление национального суверенитета и переориентацию на сотрудничество с партнерами по ЕАЭС. Их следует рассматривать как формирование новой институциональной основы, которая задает правила игры не только для внутренних субъектов, но и для внешних партнеров. Ключевые векторы изменений — достижение суверенитета в указанной области и формирование альтернативы системам недружественных государств. В доконфронтационный период российское образование больше ориентировалось на западные практики, примером чему служат формальное вступление в Болонский процесс

¹ Cooley A. Russia's hidden empire. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/central-asia/russias-hidden-empire> (дата обращения: 20.07.2025).

и система измерения эффективности деятельности научно-образовательных центров (далее — НОЦ), основанная на методиках рейтинговых систем QS World University Ranking и Times Higher Education (далее — THE). Весомая часть рейтинговой оценки в них зависит от наукометрических показателей организации в базах данных Scopus и Web of Science, издатели которых — компании Elsevier и Clarivate — работали в России в рамках национальной подписки.

В марте 2022 г. Правительством России был введен мораторий на учет публикаций в зарубежных научных базах данных при оценке эффективности научной деятельности². Параллельно был запущен процесс по созданию национальной системы оценки результативности научных исследований и разработок. Некоторые эксперты предлагали сместить фокус в сторону прикладного воплощения научных исследований: например, А.А. Ильина предложила концепцию «регионального индекса научно-образовательного приращения», основанного на соотношении ряда количественных показателей, смещенных в сторону естественных и технических наук [Ильина, 2022, с. 63]. А.Р. Хохлов и Я.И. Кузьминов выступили за сохранение текущего методологического подхода в сочетании с импортозамещением баз данных научного цитирования: за основу для отечественной системы было предложено взять перечень RSCI (англ. Russian Science Citation Index — Российский индекс научного цитирования)³. Базируясь на предложенном принципе во избежание нанесения ущерба сложившейся системе планирования и отчетности по поручению заместителя председателя Правительства РФ № ДЧ-П8-60пр от 27 июня 2022 г. Министерства науки и высшего образования России (далее — Минобрнауки России) был сформирован «Белый список» научных журналов, администрируемый Российским центром научной информации⁴, в который на сегодняшний день входит порядка 30 тыс. журналов, из которых около 500 — отечественные.

Л.М. Гохберг дополнил данный подход внешнеполитическим измерением: для сохранения экспортного потенциала российского образования и науки и их глобальной конкурентоспособности предлагалось

активизировать соответствующее сотрудничество по линии БРИКС (англ. BRICS, Brazil, Russia, India, China, South Africa — Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка)⁵. Предпосылки к развитию образовательной и научно-технической кооперации в рамках объединения понятны с Уфимской декларации 2015 г., в которой страны констатировали взаимосвязь между экономическим ростом и развитием образовательных систем и договорились укреплять инициативу сетевого университета БРИКС [Федчук, 2015]. В 2022 г. РФ активизировала данный трек: Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы был утвержден в статусе университета-куратора проекта, к которому присоединились 56 вузов из стран объединения. Этот образовательный механизм дополняется форумными проектами: проводятся ежегодный Форум молодых ученых БРИКС и научно-образовательная «Школа БРИКС», реализуемая под эгидой Фонда президентских грантов. В целях утверждения российской национальной базы данных научного цитирования в качестве альтернативы западным ресурсам и для продвижения российского образования за рубежом активно развивается Московский международный рейтинг вузов (далее — ММРВ) «Три миссии университетов», ориентированный в своей методологии на российские и китайские источники данных при использовании западных на паритетных основаниях⁶. В 2024 г. РФ был представлен пилотный проект рейтинга университетов стран БРИКС, основанный на методике ММРВ⁷. Учитывая декларируемую репрезентативность источников информации, следует сделать вывод: Россия стремится продвигать отечественные ресурсы в качестве альтернативной объективной международной платформы в условиях непрозрачности и одностороннего отказа от индексации позиций российских организаций на западных площадках Quacquarelli Symonds и THE.

Также одними из ключевых формальных институтов стали Десятилетие науки и технологий в РФ и соответствующие инициативы, вошедшие в комплекс главных мероприятий⁸, основными задачами которых

² Постановление Правительства Российской Федерации от 19.03.2022 г. № 414 «О некоторых вопросах применения требований и целевых значений показателей, связанных с публикационной активностью». Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/139807/> (дата обращения: 20.07.2025).

³ Эксперты обсудили создание Национальной системы оценки результативности научных исследований и разработок. Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/48219/> (дата обращения: 20.07.2025).

⁴ Российский центр научной информации. Национальная платформа периодических научных изданий. Режим доступа: <https://rcsi.science/activity/zhurnalnaya-platforma/> (дата обращения: 21.07.2025).

⁵ Эксперты обсудили создание Национальной системы оценки результативности научных исследований и разработок. Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/48219/> (дата обращения: 20.07.2025).

⁶ Три миссии университета. Московский международный рейтинг вузов «Три миссии университетов», 2024 год. Режим доступа: <https://mosiur.org/ranking/> (дата обращения: 21.07.2025).

⁷ Рейтинговое агентство RAEX. Опубликован пилотный рейтинг вузов стран БРИКС. Режим доступа: <https://raex-rr.com/news/press-reliz/pilot-rating-brics-universities-2024/> (дата обращения: 21.07.2025).

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 г. № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47771> (дата обращения: 22.07.2025).

на срок до 2031 г. Президентом обозначены омоложение научно-исследовательских кадров, вовлечение ученых в решение стратегических общественных проблем, популяризация отечественной науки. Кроме того, НОЦ мирового уровня должны обеспечить РФ место среди 10 мировых держав, генерирующих наибольший объем научных исследований и разработок⁹. На сегодняшний день в регионах России функционируют 15 подобных центров, выстраивающих свою работу в рамках модели тройной спирали — бесшовной связки «наука — университеты — бизнес» в рамках производства и транзита инноваций [Ицковиц, 2011]. Связывает российские НОЦ, установки класса «мегасайнс» и научные центры мирового уровня Национальная исследовательская компьютерная сеть (далее — НИКС), обеспечивающая функционирование единого научно-образовательного пространства страны. Именно НИКС была предложена Россией в качестве единой научно-образовательной сети стран ЕАЭС — цифровой платформы, направленной на установление общих стандартов и усиление технологической взаимозависимости, что делает ее одним из наиболее перспективных инструментов интеграции¹⁰.

Стратегически российская научно-образовательная политика за пределами страны ориентирована на укрепление глобальных позиций и конкурентоспособности русского языка, повышение привлекательности российского образования как типовой системной модели в целях расширения российского гуманитарного влияния¹¹. Обновленная в 2024 г. научно-техническая политика РФ дополнительно ставит задачу формирования модели международного научного сотрудничества, обеспечивающей защиту национальных интересов в условиях внешнего давления¹². Во внешнеполитическом разрезе рассмотренные инициативы свидетельствуют о формировании Россией новой научно-образовательной экосистемы — модели центростремительной интеграции, которая предлагается

партнерам по ЕАЭС в качестве центра притяжения, создающего стандарты и предлагающего свою инфраструктуру.

Подтверждением данного тезиса служит активизация Россией деятельности в странах ЕАЭС по линии совместных научно-образовательных проектов, наиболее значимыми из которых являются российско-национальные (славянские) университеты. С 2023 г. Минобрнауки России активно проводится комплексная модернизация Кыргызско-российского славянского университета (далее — КРСУ), (город Бишкек), заключающаяся в смене управленческих подходов с национальных практик на современные российские практики, в замыкании контроля за деятельностью организации на уполномоченном органе от РФ, в модернизации инфраструктуры, профессионализации образовательных программ совместно с ведущими российскими вузами и промышленными предприятиями. Учитывая кратно возросшее финансирование со стороны РФ, председательство россиян в коллегиальных органах управления межгосударственной образовательной организации, внедрение в образовательные программы отечественных достижений и воспитательной составляющей, основанной на российских ценностях, следует констатировать трансформацию КРСУ в инвестиционный проект, нацеленный на переориентацию национальной научно-образовательной системы Кыргызстана на российскую модель развития [Денисенко, 2025]. Аналогичный процесс ожидает Российско-армянский (славянский) университет (далее — РАУ), (город Ереван) в связи с ратификацией обновленного межправительственного соглашения об условиях деятельности РАУ, которое устанавливает цели и задачи университета, а также принцип управления, аналогичные КРСУ, пусть и на паритетных основаниях между сторонами¹³.

Исходя из складывающейся практики, следует констатировать тренд на модернизацию Россией зарубежных научно-образовательных организаций и формирование на их основе модельных центров притяжения в рамках политики построения единого научно-образовательного пространства стран ЕАЭС. Данная задача укладывается в российское понимание формирования единого рынка труда и необходимой для этого универсальной системы подготовки высококвалифицированных кадров [Aras, Fazlioglu, 2025]. Очевидно, что предполагается использование европейского опыта Болонского процесса, заключающегося

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁰ Единую научно-образовательную сеть для интеграционного проекта стран ЕАЭС создадут на базе НИКС. Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/37547/> (дата обращения: 22.07.2025).

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48280> (дата обращения: 22.07.2025).

¹² Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (последняя редакция). Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9973> (дата обращения: 22.07.2025).

¹³ Федеральный закон от 31.07.2025 № 292-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Армения об условиях деятельности в Республике Армения Российско-армянского университета». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52267> (дата обращения: 22.07.2025).

в унификации нормативно-правовой базы, развитии сетевого взаимодействия вузов, в проведении единой информационной политики [Манахов, Зуев, 2016]. Последние два элемента уже закреплены на стратегическом уровне развития наднационального объединения¹⁴.

Социально-гуманитарные факторы / Socio-humanitarian factors

РФ использует широкий спектр институциональных инструментов для продвижения научно-образовательной интеграции в рамках ЕАЭС, формирующих многоуровневую систему воздействия. Один из наиболее действенных инструментов мягкой силы — система квот Правительства России на обучение иностранных граждан и лиц без гражданства в российских вузах, администрируемая Федеральным агентством по делам Содружества Независимых Государств (далее — СНГ), соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. Данный механизм призван обеспечивать приток талантливых кадров в российскую экономику и способствовать формированию лояльных к России элит в странах-партнерах. Система дополняется миграционными льготами: иностранные студенты очной формы обучения в России могут трудоустроиваться без дополнительных разрешительных документов, также введено разрешение на временное проживание в целях получения образования. Эффективность этой политики подтверждается статистическими данными Минобрнауки России: в 2024/2025 учебном году обучение в российских вузах проходили 327 тыс. чел., из которых 78 % — граждане стран ЕАЭС, СНГ и Шанхайской организации сотрудничества (к примеру, только из Казахстана было более 80 тыс. студентов)¹⁵.

Страны ЕАЭС опасаются, что данная диспропорция приведет к снижению национального интеллектуального потенциала. Подобная позиция приводит к политически ангажированным решениям по диверсификации образовательного сотрудничества [Осадчая, Юдина, 2024]. В рамках реформирования некоторые ведущие вузы Казахстана были трансформированы в некоммерческие акционерные общества с целью повышения автономности и дальнейшей интернационализации. В 2022 г. Северо-Казахстанский универ-

ситет имени М. Козыбаева (далее — СКУ) был законодательно закреплен за Университетом Аризоны (Соединенные Штаты Америки (далее — США) в качестве курируемой организации. В 2023 г. уже велась реализация 7 двухдипломных программ на уровне бакалавриата, аккредитованных зарубежными агентствами. По итогам сотрудничества предполагается привлечение преподавателей из американского университета в объеме не менее 30 % от общего контингента профессорско-преподавательского состава СКУ. Примечательно, что изначально речь шла не о наставничестве в формате курирования, а полной передаче СКУ в доверительное управление Университету Аризоны сроком на 10 лет, однако решение было изменено в конце 2022 г.¹⁶

Похожая ситуация сложилась в Кыргызстане в сфере среднего образования: утвержденная в 2024 г. реформа предполагает переход школ на двенадцатилетний формат обучения. В качестве образца будет использована сингапурская система, основанная на британских методиках. Министерство образования и науки Киргизии анонсировало закупку подготовленных в Сингапуре учебников с целью дальнейшей адаптации к образовательной системе Кыргызской Республики¹⁷. Данная реформа в корне противоречит стратегическому соглашению с Россией о строительстве 9 общеобразовательных школ за счет российских средств, которые должны обеспечивать обучение на основе российских образовательных стандартов и на русском языке¹⁸.

В целом стратегия догоняющей модернизации, характерная для научно-образовательной системы Кыргызстана и других стран ЕАЭС, предполагает проведение преобразований на основе лучших зарубежных моделей с их адаптацией к национальным особенностям. В данном процессе на политических противоречиях успешно играют внерегиональные

¹⁶ Постановление Правительства Республики Казахстан от 15.04.2022 г. № 225 «О некоторых вопросах некоммерческого акционерного общества „Северо-Казахстанский университет имени Манаша Козыбаева“». Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000225> (дата обращения: 23.07.2025).

¹⁷ Кабинет министров Кыргызской Республики. Состоялось очередное заседание Кабинета министров. Режим доступа: <https://www.gov.kg/ru/post/s/24032-ministrler-kabinetinin-kezektegi-zyiyny-ottu> (дата обращения: 23.07.2025).

¹⁸ Федеральный закон от 19.10.2023 г. № 499-ФЗ «О ратификации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Кабинетом министров Киргизской Республики об условиях строительства, создания и функционирования в Киргизской Республике совместных общеобразовательных организаций, осуществляющих обучение на русском языке». Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49894> (дата обращения: 23.07.2025).

¹⁴ Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года». Режим доступа: <https://docs.eaeunion.org/documents/368/5597/> (дата обращения: 22.07.2025).

¹⁵ Евразия. Эксперт. Более 70 % иностранных студентов в России — граждане стран СНГ, ЕАЭС и ШОС. Режим доступа: <https://eurasia.expert/bolee-70-inostrannykh-studentov-v-rossii-grazhdane-stran-sng-eaes-i-shos/> (дата обращения: 23.07.2025).

акторы в целях продвижения собственных геополитических интересов [Летняков, Емельянова, 2017]. РФ в научно-образовательных инициативах следует учитывать социально-гуманитарные аспекты:

- политики США по противодействию региональному лидерству России;
- политики Китая по продвижению сообщества с единой судьбой в рамках популяризации «Экономического пояса Шёлкового пути» [Omprasad, 2024];
- политики Турции по вовлечению стран Центральной Азии в этнокультурные интеграционные проекты, основанные на идеях пантюркизма;
- политики этнокультурной экспансии Польши, нацеленной на Беларусь.

Основным инструментом России по противодействию внешнему влиянию на регион в социально-гуманитарной сфере являются меры по сохранению и популяризации русского языка как языка межнационального общения [Громыко, 2013]. В геополитическом плане страны ЕАЭС скреплены полученными за долгое время пребывания в рамках одного государства социальными и духовными связями между гражданами, а также гуманитарными связями между социальными общностями. Все они возникли на фоне общей исторической памяти — особой культурной конструкции, закрепляющей эмоционально окрашенный опыт и знания о прошлом и являющейся частью коллективного исторического сознания постсоветского региона [Кознова, 2003]. Однако методы построения суверенных политических систем новыми независимыми государствами привносят дополнительный негативный фактор: для сохранения политической стабильности правительства многих постсоветских стран были вынуждены преодолевать кризис легитимности посредством новых форматов национальной идентичности [Кирчанов, 2010]. Механизмы достижения национально-культурной гомогенности часто связаны с критикой советского наследия, политизацией и государственной институционализацией этнического национализма. Подобные меры не могут не отразиться на политическом и общественном восприятии российских нарративов о необходимости построения единого научно-образовательного пространства.

Политико-экономические факторы / Political and economic factors

Несмотря на активные усилия РФ, научно-образовательная интеграция в ЕАЭС сталкивается с рядом существенных препятствий, важнейшими из которых являются политические разногласия, основанные на опасении партнеров за сохранность государственного суверенитета. Дело в том, что 88 % от общего объема

промышленного производства объединения приходится на Россию, как и более 86 % от совокупного оборота розничной торговли¹⁹. Подобная диспропорция в целом присуща данному интеграционному объединению и прослеживается по всем ключевым показателям, поскольку Россия является системообразующим центром платформы. Внутриэкономические показатели союза достигаются за счет торгово-экономического сотрудничества стран-членов с РФ, тогда как их двустороннее взаимодействие сравнительно неразвитое, хоть и имеет положительные динамические индикаторы [Чуфрин, 2013].

Доминирующая роль России в экономике объединения на фоне ее конфронтации с Западом провоцирует партнеров на политическую дистанцированность от позиций РФ и активное развитие альтернативных внешнеэкономических связей. В качестве примеров следует упомянуть отсутствие консолидированной поддержки российской внешней политики и усиление сотрудничества стран ЕАЭС с западными государствами (например, Армения в рамках процесса евроассоциации, Казахстан в рамках укрепления сотрудничества с Великобританией в военной сфере). Существующие политические разногласия между странами ЕАЭС негативно влияют на торгово-экономическое сотрудничество. Параллельно наблюдается и обратный процесс: экономические споры переводятся в политическую плоскость, что тормозит развитие всех форм интеграции²⁰.

В части научно-образовательного сотрудничества это проявляется в болезненном восприятии социально-гуманитарных проектов в качестве элемента политической интеграции со стороны некоторых стран союза. Кроме того, Евразийская экономическая комиссия (далее — ЕЭК) как наднациональный орган не обладает ни эффективными механизмами урегулирования межгосударственных политических конфликтов, ни политическим ресурсом для продвижения научно-образовательной составляющей интеграции²¹. Это обусловлено консенсусным характером принятия решений, концентрацией ключевых полномочий

¹⁹ Аналитический обзор Евразийской экономической комиссии от 20.02.2025 г. Об основных социально-экономических показателях государств-членов Евразийского экономического союза. Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/analytics/indicators2024_12.pdf (дата обращения: 23.07.2025).

²⁰ Mukhlisova N. The myth of Eurasia: the disintegration of the region or intensified regional crisis? Режим доступа: <https://www.yalejournal.org/publications/the-myth-of-eurasia-the-disintegration-of-the-region-or-intensified-regional-crisis?rq=Eurasian%20Economic%20Union> (дата обращения: 23.07.2025).

²¹ Wolczuk K., Dragneva R. Putin's Eurasian dream may soon become a nightmare. Режим доступа: <https://research.birmingham.ac.uk/en/publications/putins-eurasian-dream-may-soon-become-a-nightmare> (дата обращения: 23.07.2025).

у Высшего Евразийского экономического совета (далее – ВЕЭС) и разграничением международных и конституционно-правовых основ сотрудничества. Последнее является главным принципом ЕАЭС, не предполагающим передачу национального суверенитета в наднациональную надстройку. Таким образом, большинство научно-образовательных интеграционных инициатив реализуется либо на двусторонней основе, либо в рамках сетевых проектов, а не в качестве единой, системной политики, что снижает их общую эффективность.

Данный факт является ключевым институциональным препятствием, которое замедляет интеграционный процесс и делает его неполным [Panke, Stapel, 2024]. За исключением ряда многосторонних соглашений 1990-х гг. и рассмотренного ранее решения об укреплении сетевого взаимодействия вузов, научно-образовательное сотрудничество в рамках ЕАЭС более никакими нормами не регламентировано. Россия предпринимает значительные усилия по активизации сотрудничества на данном треке: в странах ЕАЭС ведут деятельность 13 филиалов российских вузов, функционируют Евразийский сетевой университет на базе Государственного университета управления и Консорциум вузов в области евразийской интеграции на базе Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел РФ. Однако национальные регуляторы отмечают сложности гармонизации программ из-за несогласованности правовых норм и многовекторности образовательных систем. Отсутствие единого нормативно-правового поля пытались преодолеть в рамках СНГ созданием модельного законодательства в области образования. Межпарламентской Ассамблеей СНГ было принято постановление «О правовом обеспечении формирования общего образовательного пространства», утверждающее 5 типовых нормативно-правовых актов, которые являлись рекомендательными и не были приняты национальными законодательными органами стран содружества в качестве внутренних

законов^{22,23}. Постсоветское образовательное пространство и соответствующее ему правовое поле так и остались ориентированными на вертикальные национальные системы, характеризующиеся жестким контролем со стороны уполномоченных органов исполнительной власти и не предполагающие внедрение интеграционных и инновационных практик организации образовательной деятельности [Овчинников, 2014].

Интеграционный потенциал ЕАЭС в научно-образовательной сфере / EAEU integration potential in the scientific and educational sphere

Таким образом, мы рассмотрели основные инструменты государственной политики России, нацеленные на построение единого научно-образовательного пространства стран ЕАЭС, формируемую ими комплексную модель, а также социально-гуманитарные и политико-экономические факторы, оказывающие воздействие на развитие сотрудничества по данному направлению. Используя изложенную фактологическую информацию, с помощью SWOT-матрицы мы проведем качественный анализ интеграционного потенциала ЕАЭС в научно-образовательной сфере (см. таблицу).

Указанные нами в таблице тезисы были подробно описаны ранее. Тем не менее считаем необходимым остановиться на оценочных блоках в отдельности. Единый исторический и социокультурный базис в измерении научно-образовательного взаимодействия основан в первую очередь на общем советском наследии в системах высшего образования: единых подходах

²² Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 07.12.2002 г. № 20-5 «О правовом обеспечении формирования общего образовательного пространства Содружества Независимых Государств». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901876469> (дата обращения: 23.07.2025).

²³ Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств от 29.11.2013 № 39-6. Модельный образовательный кодекс для государств-участников СНГ (общая часть), (новая редакция). Режим доступа: <https://base.garant.ru/72826964/> (дата обращения: 23.07.2025).

Таблица

SWOT-анализ интеграционного потенциала ЕАЭС в научно-образовательной сфере

Table. SWOT analysis of the integration potential of the EAEU in the scientific and educational sphere

Сильные стороны	Слабые стороны
Единый исторический и социокультурный базис. Развитая система институциональных инструментов (система квот, российско-национальные (славянские), сетевые университеты и т.д.). Региональное лидерство России в R&D: наличие перспективных высокотехнологичных проектов, позволяющих модернизировать национальные системы без вложения серьезных ресурсов (НОЦ, НИКС и т.д.)	Несогласованность национальных образовательных стандартов и рекомендательный характер существующих модельных законов. Фрагментарность интеграции в научно-образовательной сфере по причине ограниченности полномочий контрольно-координационных наднациональных органов. Отсутствие общей идентичности на фоне деконструкции советского наследия

Возможности	Угрозы
Общемировой политической тренд на регионализацию международных отношений и устоявшиеся торгово-экономические связи побуждают партнеров по ЕАЭС к более тесному сотрудничеству с Россией. Российские цифровые технологии и методы управления научно-образовательной системой имеют потенциал для преодоления институциональных барьеров (сетевые программы, ММРВ и т.д.). Сохраняющийся интерес к получению высшего образования в России, подтверждаемый статистикой студенческой мобильности	Политические и экономические разногласия между странами ЕАЭС могут негативно сказаться на развитии интеграции за счет излишней политизации процесса. Усиление конкуренции со стороны внерегиональных акторов (США, Турция, Китай, Польша и т.д.). Догоняющая модель развития национальных научно-образовательных систем в странах ЕАЭС препятствует выстраиванию системного долгосрочного взаимодействия

Примечание: R&D – research and development (англ. исследования и разработки)

Составлено автором по материалам исследования / Compiled by the author on the materials of the study

к преподаванию, структуре степеней, академических традициях. При этом необходимо отметить формирующуюся шаткость указанных позиций: единая структура степеней и уровней образования сохранилась, в частности, благодаря присоединению большинства стран ЕАЭС к Болонскому процессу. Тем не менее после приостановки членства России и Беларуси в структурах процесса с 2022 г. в РФ проходит реформирование высшего образования, нацеленное на создание суверенной национальной системы²⁴. Представляется, что переход к базовому и специализированному высшему образованию может сделать затруднительным процесс установления эквивалентности степеней и званий. Равно как и постепенную интеграцию в систему подготовки кадров высшей квалификации центральноазиатских государств базовой докторантуры (англ. Doctor of Philosophy – доктор философии), основанной на трехуровневых методиках стран Болонского процесса [Карабалаева, Асипова, 2020]. Культурная близость и отсутствие коммуникационных барьеров в профессиональном академическом сообществе подкрепляются также ролью русского языка как языка межнационального общения. С учетом граждан, свободно владеющих национальным и русским языками, в Беларуси уровень распространения последнего достигает 97 %, в Казахстане – 62 %, в Киргизии – 22 %, в Армении – до 3 %²⁵.

Конкретизацию слабых сторон стоит начать с того, что деконструкция советской идентичности не привела к формированию новой евразийской идентичности. Страны ЕАЭС часто придерживаются разных векторов развития культурной и научно-образовательной политик. К примеру, страны Центральной Азии внедряют элементы пантюркизма: на территории

Казахстана и Кыргызстана функционируют турецкие образовательные консорциумы полного цикла, проводящие обучение на турецком языке (например, образовательный консорциум «Себат», университет «Манас» и др.). Этим обусловлена и слабая вовлеченность молодежи в интеграционные проекты. Последние на данный момент социологические исследования в рамках проекта «Интеграционный барометр», датированные 2017 г., показывали стагнацию в общественном одобрении проекта ЕАЭС среди граждан стран объединения: как и в 2016 г., средний уровень одобрения составил 64 % [Задорин, 2017]. Положительное отношение к евразийской экономической интеграции в целом стагнирует или снижается, что особенно заметно среди молодого поколения. Таким образом, РФ представляется необходимым, помимо развития ранее упомянутых институциональных инструментов научно-образовательной кооперации (сетевые университеты, НОЦ, НИКС и др.), выработать меры культурно-гуманитарного воздействия на население с целью популяризации союза.

Несогласованность национальных образовательных стандартов проявляется на методологическом и управленческом уровнях. Национальные рамки квалификаций в части стран ЕАЭС (Казахстан, Киргизия), совмещенные с элементами Болонской системы, слабо коррелируют с российскими федеральными государственными образовательными стандартами, основанными на отечественной системе компетенций. Проявляется данная проблема уже на уровне академической мобильности, усложняя перезачет учебных дисциплин из-за взаимного структурного и концептуального несоответствия учебных планов. Как уже было сказано ранее, решить проблему помогло бы модельное законодательство, которое принималось по линии Межпарламентской Ассамблеи СНГ, но не было утверждено национальными законодательными органами стран содружества в качестве внутренних законов. Что касается регламентации научно-образовательной сферы кооперации, полномочия ЕЭК в данной области взаимодействия отсутствуют

²⁴ РИА Новости. Все российские вузы исключили из Болонского процесса. Режим доступа: <https://ria.ru/20220606/vuzy-1793490321.html> (дата обращения: 23.07.2025).

²⁵ Задорин И.В., Подобед И.В. Динамика распространенности русского языка в бытовом общении населения стран Северной Евразии. Режим доступа: https://eurasiamonitor.org/iazuk_i_miediapotriebieniie (дата обращения: 24.07.2025).

(за исключением трудовой миграции и иных сфер, предусмотренных Договором о ЕАЭС)²⁶. Кроме того, национальные системы науки и образования стран ЕАЭС (за исключением российской), скорее, ориентированы на адаптацию зарубежных моделей, а не на генерацию собственных, что определяется догоняющим характером их развития, описанным ранее. Подобные изменения вносят дополнительные препятствия, делая возможность согласования научно-образовательных систем все менее вероятной. Примерами служат уже рассмотренный кейс перехода Киргизии на двенадцатилетнюю модель среднего образования, а также перспективное внедрение латиницы в Казахстане²⁷.

В связи с этим представляется целесообразной реализация следующего плана действий по совершенствованию слабых сторон. Во-первых, выработать единую систему квалификаций ЕАЭС по аналогии с европейской EQF (англ. European Qualifications Framework — Европейская рамка квалификаций). Данный шаг позволит регламентировать на наднациональном уровне прозрачный процесс соотнесения (признания эквивалентности) квалификаций без необходимости полной унификации национальных систем. Во-вторых, внедрить единый цифровой реестр документов об образовании, позволяющий перейти от неполноценной системы признания дипломов, основанной на двух- и многосторонних соглашениях в рамках СНГ. Примером реализации и основой будущей платформы может служить российская федеральная информационная система «Федеральный реестр сведений о документах об образовании». Свидетельством принципиальной реализуемости данного предложения служит успешно действующая единая система маркировки товаров ЕАЭС. В-третьих, запустить единую научно-образовательную сеть стран ЕАЭС на базе российской НИКС, что позволит интенсифицировать работу по ранее упомянутым трекам и упростить коммуникацию. Кроме того, подключение научно-образовательных центров стран ЕАЭС к возможностям сети российских исследовательских центров мирового уровня позволит сформировать уже на региональном уровне бесшовную связку образования, науки и бизнеса и в перспективе запустить межгосударственные цепочки производства сложных технологий.

²⁶ Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29.05.2014 г.). Режим доступа: <https://base.garant.ru/70670880> (дата обращения: 24.07.2025).

²⁷ Электронное правительство Республики Казахстан. Поэтапный переход казахского алфавита на латинскую графику. Режим доступа: <https://egov.kz/cms/ru/articles/Alfavit-kazahskogo-yazyka-na-latinice> (дата обращения: 24.07.2025).

Для поддержки подобного плана необходимым видится включение научно-образовательной сферы в комплекс мер по развитию экономической интеграции путем дополнения ч. 3 Договора о ЕАЭС. Проблему политизации научно-образовательного сотрудничества возможно смягчить координацией процесса посредством вновь созданных автономных структур, подотчетных ВЕЭС и функционирующих в системной логике разграничения международных и конституционно-правовых основ сотрудничества. Главная задача данной структуры — подготовить концепцию гармонизации национальных научно-образовательных систем с целью перехода к единой наднациональной системе подготовки кадров. Споры между сторонами, в том числе политически-ангажированные, возможно решать посредством уже существующих в рамках ЕАЭС наднациональных механизмов арбитража.

Заключение / Conclusion

Внешнеполитическое измерение государственной политики России в научно-образовательной сфере свидетельствует о нацеленности российской стороны на развитие центристской интеграции в рамках ЕАЭС. Основанием служит модель новой научно-образовательной экосистемы, базирующаяся на российских стандартах и передовой инфраструктуре. Это выражается в модернизации зарубежных образовательных учреждений и создании на их базе опорных центров, объединяющих научное пространство союза. Указанная стратегия соответствует долгосрочным целям России по формированию единого рынка труда через унификацию систем подготовки кадров.

Как показывает проведенный качественный анализ, сильные стороны и возможности сопоставимы по значимости со слабыми сторонами и угрозами. Негативные факторы отличаются большей конкретикой и периодической реализацией на практике, при этом отдельные из них носят перманентный характер и не могут быть устранены в кратко- или среднесрочной перспективе. Интеграционный потенциал ЕАЭС в научно-образовательной сфере опирается на серьезный историко-культурный фундамент, однако требует преодоления институциональных препятствий. Конкурентные преимущества российской модели основаны на R&D-ресурсах, высокой экспортной конкурентоспособности образования на рынке региона и едином социокультурном пространстве. При этом конкуренция с внерегиональными акторами требует системного ответа и подкрепления сотрудничества технологическими инструментами.

Таким образом, научно-образовательная интеграция в ЕАЭС возможна, скорее, как проект технологического, а не политического лидерства России.

В качестве начального этапа гармонизации национальных систем для перехода к единой наднациональной системе подготовки кадров предлагаются внедрение единой системы квалификаций, создание общесоюзного цифрового реестра документов об образовании и формирование единой научно-образовательной сети. Для обеспечения реализации предлагаемого формата научно-образовательной интеграции необходимы

внесение изменений в нормативную базу объединения и расширение компетенций ЕЭК. Для снижения политических рисков предлагается реализация процесса без необходимости полной унификации национальных систем при координационной роли автономного наднационального органа, функционирующего в системной логике разграничения международных и конституционно-правовых основ сотрудничества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Громыко А.А. Русский язык и культура в политике «мягкой силы» России. В кн.: Большая Европа в глобальном мире: новые вызовы — новые решения. М: Институт Европы Российской академии наук; 2013. С. 9—16.

Денисенко В.В. Институциональное значение Кыргызско-русского славянского университета в национальной системе высшего образования Кыргызской Республики. Политика и общество. 2025;2:86—98. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2025.2.74507>

Задорин И.В. (ред.) Интеграционный барометр ЕАБР — 2017. СПб.: Центр интеграционных исследований Евразийского банка развития; 2017. 108 с.

Ильина А.А. Национальная система оценки результативности научных исследований и разработок: новая повестка импортозамещения. Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2022;3:63—79.

Ицковиц Г. Модель тройной спирали. Инновации. 2011;4(150):5—10.

Карабалаева Г.Т., Асипова Н.А. Проблемы и перспективы подготовки PhD докторов в Кыргызской Республике. Современные проблемы науки и образования. 2020;2. <https://doi.org/10.17513/spno.29666>

Кирчанов М.В. Политические и интеллектуальные мифологемы современного туркменского национализма. Центральная Азия и Кавказ. 2010;13(1):59—71.

Кознова И.Е. Историческая память и основные тенденции ее изучения. Социология власти. 2003;2:23—32.

Летняков Д.Э., Емельянова Н.Н. Стратегии «мягкой силы» в постсоветской Центральной Азии: Россия vs США, Китай, Индия. Мир России. Социология. Этнология. 2017;4(26):118—142. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-4-118-142>

Манахов С.В., Зуев В.М. Основные направления формирования единого образовательного пространства в рамках Евразийского экономического союза. Вестник НГУЭУ. 2016;2:40—48.

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Пер. с англ. А.Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала»; 1997. 180 с.

Овчинников А.В. Становление законодательной базы образования постсоветских государств. Ценности и смыслы. 2014;6(34):74—83.

Осадчая Г.И., Юдина Т.Н. Высшее образование в Евразийском экономическом союзе: потенциал и проблемы сотрудничества. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2024;1(24):140—154. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-1-140-154>

REFERENCES

Aras B., Fazlioglu B. The brothers Karamazov go abroad: a dataset of Russian leaders' foreign visits. The Review of International Organizations. 2025. <https://doi.org/10.1007/s11558-025-09584-5>

Chufrin G.I. Essays on Eurasian integration. Moscow: Ves mir; 2013. 128 p. (In Russian).

Denisenko V.V. The institutional significance of the Kyrgyz-Russian Slavic University in the national higher education system of the Kyrgyz Republic. Politics and Society. 2025;2:86—98. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2025.2.74507>

Etzkowitz H. Triple helix model. Innovations. 2011;4:5—10. (In Russian).

Fedchuk A.A. Trends in the development of education as an important factor of the policy of cooperation of BRICS countries. Vestnik universiteta. 2015;13:248—253. (In Russian).

Gromyko A.A. Russian language and culture in Russia's "soft power" policy. In: Greater Europe in a global world: new challenges — new solutions. Moscow: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences; 2013. Pp. 9—16. (In Russian).

Irina A.A. National system for evaluating the effectiveness of scientific research and development: a new agenda for import substitution. Lomonosov Public Administration Journal. 2022;3:63—79. (In Russian).

Karabalaeva G.T., Asipova N.A. Problems and prospects of training PhD doctors in the Kyrgyz Republic. Modern Problems of Science and Education. 2020;2. (In Russian). <https://doi.org/10.17513/spno.29666>

Kirchanov M.V. Political and intellectual mythologems of modern Turkmen nationalism. Central Asia and the Caucasus. 2010;13(1):59—71. (In Russian).

Koznova I.E. Historical memory and the main trends in its study. Sociology of Power. 2003;2:23—32. (In Russian).

Letnyakov D.E., Emel'yanova N.N. "Soft power" strategies in post-Soviet Central Asia: Russia versus the USA, China and India. Universe of Russia. Sociology. Ethnology. 2017;4(26):118—142. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2017-26-4-118-142>

Manahov S.V., Zuev V.M. Main directions of formation of common education space within the Euroasian Economic Union. Vestnik NSUEM. 2016;2:40—48. (In Russian).

North D. Institutions, institutional change and economic performance. Trans. from Eng. A.N. Nesterenko. Moscow: Foundation of the economic book "Nachala"; 1997. 180 p. (In Russian).

Omprasad G. Understanding China's Grand Strategy through the Belt and Road Initiative. International Studies. 2024;2(61):170—184. <https://doi.org/10.1177/00208817241247665>

Osadchaya G.I., Yudina T.N. Higher education in the Eurasian Economic Union: potential and problems of cooperation.

Федчук А.А. Тенденции развития образования как важнейший фактор политики сотрудничества стран БРИКС. Вестник университета. 2015;13:248–253.

Чуфрин Г.И. Очерки евразийской интеграции. М.: Весь мир; 2013. 128 с.

Aras B., Fazlioglu B. The brothers Karamazov go abroad: a dataset of Russian leaders' foreign visits. The Review of International Organizations. 2025. <https://doi.org/10.1007/s11558-025-09584-5>

Omprasad G. Understanding China's Grand Strategy through the Belt and Road Initiative. International Studies. 2024;2(61):170–184. <https://doi.org/10.1177/00208817241247665>

Panke D., Stapel S. Cooperation between international organizations: demand, supply, and restraint. The Review of International Organizations. 2024;19:269–305. <https://doi.org/10.1007/s11558-023-09506-3>

Polianskii M. Ruxit revisited: unravelling Russia's dissociation from the pan-European security order. Global Policy. 2025;3(16):430–441. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.70005>

RUDN Journal of Sociology. 2024;1(24):140–154. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2024-24-1-140-154>

Ovchinnikov A. V. The formation of the legislative base of education of the post-Soviet states. Values and Meanings. 2014;6(34):74–83. (In Russian).

Panke D., Stapel S. Cooperation between international organizations: demand, supply, and restraint. The Review of International Organizations. 2024;19:269–305. <https://doi.org/10.1007/s11558-023-09506-3>

Polianskii M. Ruxit revisited: unravelling Russia's dissociation from the pan-European security order. Global Policy. 2025;3(16):430–441. <https://doi.org/10.1111/1758-5899.70005>

Zadorin I. V. (ed.) Integration barometer of the EDB – 2017. St. Petersburg: Centre for Integration Studies of the Eurasian Development Bank; 2017. 108 p. (In Russian).